

ЗАЩИТНЫЙ ДОСПЕХ И СНАРЯЖЕНИЕ МОНГОЛЬСКИХ ВСАДНИКОВ

Монгольский защитный доспех XIII – первой четверти XIV в. состоял из панцирей, шлемов, ожерелий, щитов и наручей. До наших дней дошло достаточное количество металлических остатков, изображения, в основном персидские и арабские, и подробные описания панцирей. Воины тяжелой конницы имели кольчуги или кожаные латы. Их головной убор состоял из легкого кожаного шлема с прочным назатыльником для предохранения шеи от сабельных ударов. В армии Батыея носили уже железные шлемы.

Ламиллярный доспех упоминается в “Сокровенном сказании”, где имеется описание внешности воина Чжамухи: “Жесткий походный тулуп свой одел... Панцырь ремнями прошитый” [Сокровенное сказание 1941, 101]. По сообщению Пэн Да-я, лучшие воины имели доспех из “скрепленных кож”, который назывался “латы ивовых листьев” или “латы, свитые из ремней” [Хэй-да шилуэ 1940, 18а, 21а]. Панцири-хуяги азиатских кочевников известны как по письменным источникам, так и по археологическим находкам, их описание в самом общем виде встречается у европейских хронистов: “Одеты в бычьи шкуры, защищены железными пластинами... Со спины они не имеют доспехов, спереди, однако, доспехами защищены” [Матфей Парижский 1979, 137]. Аналогичное описание встречаем и в английских средневековых источниках: “Доспехи у них сделаны из многослойной кожи, и они почти непробиваемые” [Анналы Бертонского монастыря 1979, 182].

Подробно защитное вооружение монголов и их коней описаны Плано Карпини: “У них есть... вооруженная лошадь, прикрытия для голеней, шлемы и латы... прикрытия для лошадей из кожи, сделанные следующим образом: они берут ремни от быка или другого животного шириной в руку, заливают их смолою вместе по три или четыре и связывают ремешками или веревочками. Прикрытие лошади они делят на пять частей. Латы же имеют также четыре части; одна простирается от бедра до шеи, но она сделана согласно расположению человеческого тела, так

как сжата перед грудью, а от рук и ниже облегает кругло вокруг тела; сзади же к крестцу они кладут другой кусок, который простирается от шеи до того куска, который облегает вокруг тела; на плечах же эти два куска, именно передний и задний, прикрепляются пряжками к двум железным полосам, которые находятся на обоих плечах; и на обеих руках сверху они имеют кусок, который простирается от плеч до кисти рук, которые также ниже открыты, и на каждом колене они имеют по куску; все эти куски соединяются пряжками. Шлем же сверху железный или медный, а то, что прикрывает кругом шею и горло, – из кожи. У некоторых же все то, что мы выше назвали, составлено из железа следующим образом: они делают одну тонкую полосу шириной в палец, а длиною в ладонь, и таким образом они готовят много полос; в каждой полосе они делают восемь маленьких отверстий и вставляют внутрь три ремня плотных и крепких, кладут полосы одна на другую, как бы поднимаясь по уступам, и привязывают вышеназванные полосы к ремням тонкими ремешками, которые пропускают чрез отмеченные выше отверстия; в верхней части они вшивают один ремешок, который удваивается с той и другой стороны и сшивается с другим ремешком, чтобы вышеназванные полосы хорошо и крепко сходились вместе, и образуют из полос как бы один ремень, а после связывают все по кускам так, как сказано выше. И они делают это как для вооружения коней, так и людей. И они заставляют это так блеснуть, что человек может видеть в них свое лицо. Щит у них сделан из ивовых или других прутьев” [Джованни дель-Плано Карпини 1957, 50–51].

По материалу монгольские панцири можно разделить на панцири из твердых материалов, из мягких и, из мягких материалов, усиленных твердыми. Твердым материалом служили железо и сталь, толстая твердая кожа крупных копытных (Плано Карпини писал, что ее еще спрессовывали при помощи смолы в три слоя), а иногда, согласно “Тайной истории монголов”, и бронза, и рог.

Структура твердого монгольского панциря – хуяг – могла быть и ламеллярной, и ламинарной. Пластины первого имели вытянутую прямоугольную форму, верхний край чаще был закругленным. Иногда на пластинах делались круглые выпуклости. Ламеллярные панцири имели покрой двух типов: кираса-корсет и халат.

Тяжеловооруженный воин имел саблю, меч или палаш, длинное копьё с крючком для стягивания воинов противника из седел, боевой топор, металлический ламеллярный или ламинарный панцирь (хуяг), железный шлем, небольшой круглый щит (монголы также применяли большие прямоугольные щиты при облоге крепостей). Применялись также и разные формы длиннодревкового оружия, в частности так называемые “пальмы”. Кроме металла, для изготовления панцирей из твердых материалов использовали специально обработанную толстую кожу. Широко были распространены также панцири, которые имели смешанную ламинарно-ламеллярную структуру. Панцири имели разный крой. В качестве дополнительной защиты использовались ожерелья, зеркала, наручи и поножи. Шлемы имели сфероконическую форму и оснащались наносником, полумасками, личинами, бармицей и забралами. Вооружение часто покрывалось лаком и декоративной росписью [Джованни дель-Плано Карпини 1957, 52–54].

Кирасу-корсет составляли нагрудник и наспинник, доходившие до верха таза, с плечевыми лямками из ремней или полос ламеллярного набора, а иногда и стальных изогнутых полос. Характерной деталью этих панцирей с начала XIV в. изредка становится “хребет” – вертикаль по оси на нагруднике и наспиннике, составленная из пластин трапециевидной формы с вертикальным же ребром. Корсет применялся и самостоятельно, но чаще дополнялся прямоугольными наплечниками и набедренниками. Эти детали, также ламеллярные, могли быть сравнительно узкими или весьма широкими; наплечники обычно достигали локтевого сгиба, а набедренники – колен или середины голени. Иногда применялись наплечники нового типа – из цельнокованых крупных выпуклых железных пластин. Наплечники и набедренники могли крепиться соответственно к лямкам и подолу корсета наглухо, но могли и пристегиваться ремешками с пряжками [Горелик 2009, 452].

Покрой “халат” отличался тем, что был разрезан (и, соответственно, застегивался) не по бокам, а на груди. На миниатюрах Ближнего и Дальнего Востока показано, что сплошной разрез на груди проходил по оси. На китайских же изображениях панцири-“халаты” имеют косой запах слева направо, как и у обычного халата. Бытовавшие еще в XVII–XIX вв. в Тибете и на юго-западных окраинах Китая ламеллярные панцири, также сделаны из

стали или твердой кожи, обычно имели покроем “халат” и оба варианта застегивания на груди. Но особенностью старых монгольских панцирей был разрез от подола до крестца сзади. Панцирь с осевым разрезом на груди – это старая, еще с середины I тысячелетия н. э., традиция, характерная для Центральной Азии.

Обычно панцирь-“халат” был весьма длинным – до низа колен и даже до середины голени. Но встречаются и очень короткие варианты, доходящие лишь до крестца. Эти панцири-“куртки” имели округленные снизу полы и вырезные листовидные оплечья (на обычных длинных “халатах” оплечья прямоугольные, до локтя или даже до кисти, как это описывал Плано Карпини и показывают китайские картины). Эти короткие панцири – прямое заимствование у чжурчженей. Но последние шили их из толстой кожи, монголы же придали им ламеллярную и ламинарную структуру, а также круглые зеркала, укрепленные на обеих сторонах груди и на обоих оплечьях.

С начала XIV века на востоке Улуса Джучи (Чжучи) проводились опыты по совершенствованию ламеллярного доспеха – с заменой ременного скрепления пластинок металлическим. Первый способ (самый совершенный и технологически сложный) – при помощи заклепок с люфтом, дающим подвижность пластинок относительно друг друга. Этот способ знали еще хазары, позже его успешно и широко применяли западноевропейские мастера. Но на Востоке хазарский эксперимент так и остался единичным опытом. Зато джучидская практика соединения пластинок металлическими колечками породила на мусульманском Востоке, а отсюда и в Европе, огромную традицию [Горелик 2002, 21; Горелик 2009, 452].

Ламинарные панцири, сделанные из сплошных полос толстой твердой кожи или железа и стали, иногда обклеенных тонкой кожей, по покрою совершенно совпадали с ламеллярными. Иногда же панцири были комбинированными – в них полосы ламеллярного набора чередовались со сплошными.

Если ламеллярные панцири обладали декоративным эффектом за счет своей “играющей” фактуры (золочения и воронения пластин или их части), то декор ламинарных доспехов с кожаной поверхностью создавался с помощью росписи и покрытия прозрачными и цветными лаками. В комбинированных доспехах

декоративный эффект усиливался. Украшали оба вида панцирей ряды разноцветных ремешков или тесемок [Горелик 2002, 21].

Если ламинарный, а тем более ламеллярный доспех могли себе позволить очень состоятельные воины, то практически все рядовые были в состоянии обзавестись панцирями из мягких материалов – толстой кожи, многослойных войлоков, тонкой кожи, тканей, шерстяных и волосяных прокладок, шкур. Эти панцири монголы называли “хатангу дегель” (“твердый, как сталь, халат”). Многослойные панцири иногда прострачивались. Хатангу дегель мог быть и чисто парадным, то есть покрывался дорогими узорными тканями.

До XIV века самую большую популярность получил хатангу дегель, усиленный изнутри железными пластинами, – именно этот тип панциря у монголов и русских получил название “куяк”. Кроме этого, к тому времени появились комбинированные панцири, сочетающие в себе элементы ламеллярного, ламинарного и куючного типов брони. Традиционным стало также ношение нескольких панцирей одновременно [Горелик 2002, 21–22].

По покрою хатангу дегель делятся на два типа: первый совершенно идентичен “халату” (часто отличаясь вырезными листовидными наплечниками) и его более короткой разновидности – “кафтану” (в последнем случае это точное воспроизведение чжурчжэньского образца), второй – собственно толсто простеганный многослойный халат с настоящими рукавами и косым запахом.

Наконец, последний вид монгольского панциря представлял собой хатангу дегель, усиленный железными пластинками, пришитыми или приклепанными с изнанки мягкой основы так, что снаружи виднелись лишь головки заклепок. Доспех этого типа был изобретен в VIII в. в Китае как парадный костюм императорских гвардейцев, сочетавший роскошь придворного одеяния с защитными свойствами панциря. С этого времени встречаются его изображения в Дуньхуане – пограничном городе на северо-западе Китая, пластины от него, датируемые IX–XI вв., находят в Прибайкалье и Минусинской котловине. Но до эпохи Чингизидов он был мало распространен. Зато с XIII в. его стали изготавливать и применять в массовом порядке, а татаро-монголы пронесли его далеко на запад – в Европу. Там этот тип доспеха

получил чрезвычайную популярность и стал основой развития классического позднесредневекового рыцарского доспеха. Монгольские же пластины имели прямоугольную форму, величиной с половину ладони, и несколько отверстий в верхней части, немного смещенных к одному из углов. Крупные выпуклые головки заклепок часто покрывались медью или латунью, даже золотились [Горелик 2009, 452].

Наилучшими функциональными качествами обладал ламеллярный доспех: при исключительной прочности и гибкости, мало уступающей кольчужной, он был достаточно легок. Ламеллярный корсет весил 4–5 кг, а “халат” с длинными оплечьями и подолом – 16 [Горелик 2002, 22]. Ламинарный панцирь при тех же защитных свойствах был чуть менее облегающим, немного тяжелее, но изготавливался в несколько раз проще и быстрее. Хатангу дегель, усиленный изнутри пластинами, варьировал все качества в зависимости от того, насколько пластины находили одна на другую. Чем сильнее был нахлест, тем больше бралось пластин, тем прочнее, но и тяжелее и жестче был панцирь.

Монгольские шлемы (дулга) чрезвычайно разнообразны. Но в целом они входят в массу типичных для Центральной и Восточной Азии. Общие их признаки – сфероконическая форма и тулья, составленная из двух и более сегментов, скрепленных внизу околышем, иногда собранным из прямоугольных пластинок, а наверху – наверху. Монгольскими признаками можно считать козырьки и трезубые налобные пластины, высокие шпильки, колечки на макушке для крепления украшающих лент, забрала в виде крестовины, наушы. Монгольские бармицы были разными: прикрывали только затылок, затылок и шею либо закрывали лицо до носа или до глаз. Делали их из толстой, нередко расписной мягкой кожи на войлочной подкладке, из нескольких простеганных слоев мягких материалов, ламеллярными и ламинарными [Горелик 2009, 453].

Общевосточная тенденция к максимальной защите лица у монголов нашла выражение в забралах в виде кованых масок, полумасок и наносников, сочетаемых с дуговидными надбровными накладками. Видимо, довольно рано – не позже середины XIII в. – монголы стали применять для бармиц кольчугу. Кольчужные бармицы часто были глухими – покрывали шею, плечи, лицо – до

верха носа или целиком, оставляя лишь отверстия для глаз. Глухая кольчужная или иная бармица сочеталась иногда с наносником или крестообразным забралом.

Монгольские мастера делали прекрасные шлемы с забралами-личинами в виде лица с усами и большим горбатым носом, иногда с бородой и бронзовыми ушами. Эти шлемы, в основном, принадлежат к ближневосточным типам, а маски-личины выполнены в старой центральноазиатской художественной традиции. Судя по изображениям и особенно археологическим находкам, шлем применялся достаточно часто, гораздо чаще, чем металлический панцирь.

Изображения, прежде всего мусульманские, свидетельствуют о большой популярности у монголов боевого ожерелья, которое, по тем же изображениям и описанию Платона Карпини, делалось из кожи. Оно, вероятно, имело толстую войлочную подкладку, покрывалось росписью или круглыми металлическими бляшками. Можно предполагать и ожерелья чжурчжэньского типа – из соединенных, радиально расположенных, трапециевидных железных пластин. После завоеваний на западе Азии распространились и кольчужные ожерелья. Вообще, ожерелье не было новинкой монголов – оно было популярно во всей Центральной и Восточной Азии в VIII–XIII вв.

Очень редко, и лишь с начала XIV в., на миниатюрах фиксируются наручи, хотя не приходится сомневаться, что монголы их использовали и именно они занесли их в Европу. Те, что имели вид шин, – центрально- и восточноазиатского типа, – монголы заимствовали у своих южных соседей. Створчатые же наручи, издавна известные в Средней Азии, монголы переняли именно там, хотя на раннем этапе империи использовали редко. Совсем мало применялись поножи – в виде сплошной пластины на голени или из набора узких горизонтальных пластинок; такие поножи давно известны от Японии до Синьцзяна [Горелик 2009, 453].

Платон Карпини писал, что монгольский щит сплетен из ивовых и иных прутьев. Рашид ад-Дин в переписке упоминает плетеные из бамбука и простых прутьев щиты, оплетенные разноцветным шелком и другой цветной пряжей. Несомненно, тут описаны аналоги хорошо известных по музейным коллекциям турецких и персидских щитов XVI–XVII вв. Именно такие щиты

мы видим в руках воинов на иранских и арабских миниатюрах начала XIV в. – выпуклые, диаметром 50–70 см, с выпуклым металлическим умбоном в центре, с геометрическим радиальным узором. Монгольский термин для щита – халха – восходит к глаголу “халха-сун” – “сплестать из прутьев” [Горелик 2002, 23]. Щиты этого типа очень ценились за исключительную упругость, легкость и красоту.

Изображения и археологические находки свидетельствуют о наличии у монголов круглых щитов из обтянутых расписанной кожей досок; круглых щитов, склепанных из стальных секторов, соединенных умбоном в центре и оковкой по краям; небольших круглых выпуклых щитов из толстой твердой многослойной кожи. Умбоны щитов часто имели форму повсеместно популярной на Востоке многолепестковой розетки или очень специфический вид полушария, укрепленного на поверхности щита двумя полосами железа, наложенными крест-накрест на умбон, а расплюснутыми концами приклепанными к основе щита.

Многосекторные щиты из железа монголы заимствовали на мусульманском Востоке, как и редкие каплевидной формы щиты, очень близкие к европейским, и не только формой: в одном случае видно, что монголы изобразили на нем тигра – вместо типичного для европейской геральдики льва.

Кроме ручных, монголы при осаде и в бою – для создания полевых укреплений – применяли станковые щиты, известные под названием “чапар”. Они имели прямоугольную форму, высотой до плеча. Их каркас делали из палок, заплетенных прутьями, либо сбивали из досок [Горелик 2002, 23].

Качество защитных доспехов монголов остается предметом обсуждения для исследователей. Рашид ад-Дин в описании одной из битв монгольского войска отмечает, что большая часть панцирей и конских доспехов попортились [Маликшоев 2003, 20].

По данным китайских авторов толщина кожаной брони составляла, по данным китайских авторов, 16 мм, и при этом «все “листья” по твердости приравняются к железу, а в толщину всего половину цуня. Если испытать их луком и стрелами, то пробить невозможно. Железные доспехи, пожалуй, не сравнятся». Таким образом, не стоит говорить о кожаных доспехах монголов как о чем-то примитивном и непрочном. Если взять вес таких

доспехов, то, пожалуй, он был не намного легче соответствующего комплекта, сделанного из железа. Что же касается кованых личин, портретно воспроизводящих черты лица, то найденные на данный момент в ордынских погребениях личины считаются изделием среднеазиатских и индийских мастеров-оружейников. Однако не стоит забывать и о том, что монголы вели международную торговлю. А факт применения личин монгольскими воинами засвидетельствован не только находками в курганах, но и такой, например, фразой из “Джами ат-Таварих” Рашид ад-Дина, где он описывает поединок на копьях монгольских нойонов XII (!) в.: “Турунк-хултан оправдывался тем, что я, де, взирал с удивлением на забрало Кутула-каама, как вдруг свалился к ногам своего белого коня” [Маликшоев 2003, 18–19].

О количестве доспехов имеется много сведений из письменных источников. Известно, что в “Цзинь изи” Фань Сюаньлин отмечал, что еще протомонгольское племя дуань только в одном бою с императором династии Ранняя Чжао Шилэ потеряло свыше 5 тыс. коней, облаченных в панцири. У киданей, по описанию “Ляо ши”, “каждый имел железные латы из девяти предметов... железные или кожаные латы для коня в зависимости от силы животного”. Восхваление-магтагал, которое в § 195 “Юань чао би ши” Джамуха поет монгольскому войску, указывает, что уругуты и мангуты “приближаются, ликуя и блистая”, а у ведущего монгольские войска Чингисхана “все тело залито бронзой: негде шилом кольнуть; железом оковано: негде иглою кольнуть”. Ведущий вторую линию монгольского войска Хасар “одет в тройной панцирь”. В схватке между тайчжиутами и воинами Чингисхана, описанной Лубсан Данзаном в “Алтая Тобчи”, Чингисхан захватывает в качестве трофея 100 лошадей и 50 панцирей, взятых у 100 убитых тайчжиутских воинов. А в “Великом законе года обезьяны”, принятом нойонами Шести хошунов Халхи в 1620 г., в § 6 сказано: “Если человек ханского происхождения во время сражения сбежит, взять с него 1000 лошадей, 100 верблюдов и 100 панцирей. Если сбежит борджигин – наказание такое же. Если сбежит табунанг или шигэчин – наказание такое же. Если сбежит простолюдин с панцирем, взять у него панцирь и четыре лошади. Если без панциря – взять две лошади”. Пэн Да-я, составивший вместе с Сюй Тинном в 1237 г. докладную записку прави-

тельству Южной Сун о вооружении и способах ведения боя монгольских воинов, сообщает: «У них есть панцири из “ивовых листьев” и у них есть многосоставные ременные панцири». Под “ивовыми листьями” понимаются панцирные пластинки небольшого размера [Маликшоев 2003, 17].

По некоторым исследованиям можно судить, что крупные или средние войсковые единицы, например тысячи или сотни, были посажены на лошадей одной масти. Это достоверно известно относительно гвардейской “тысячи багатуров”, которая вся имела лошадей вороной масти. Можно предположить, что правило одномастности лошадей соблюдалось и в других родах конницы. Иначе трудно объяснить, почему, например, Батый требовал от покоренных русских князей “поставки лошадей не по статьям, а по мастям” [Иванин 1875, 195].

Монгол, если было нужно, мог спать, оставаясь верхом на коне, который в это время мог идти походом или пастись. Монгольская знать и лучшие воины защищали доспехами (кожаными или железными) также и своих коней. Это снаряжение сразу бросилось в глаза европейцам, как некая диковина. Плано Карпини так описывает доспехи монгольских лошадей: “Одна деталь на одной стороне коня, и другая – на другой, и они соединены между собою от хвоста до головы и прикреплены к седлу, а спереди от седла – со стороны и также на шее; еще одна деталь закрывает верхнюю часть крупа, соединены с двумя боковыми, и в ней есть отверстие, через которое пропускается хвост; грудь закрывает четвертая деталь. Все перечисленные детали отвисают вниз и достигают колен или бабок. На лоб приложена железная пластина...” [Рубрук де Гильом 1956].

Лошади тяжелой конницы имели защитное вооружение из толстой лакированной кожи. О кожаных, крепких как железо, конских монгольских панцирях писали многие авторы XIII в. – западноевропейские хронисты, киликийский царевич Гетум. В Ипатьевской летописи при описании монгольского защитного вооружения дружины Даниила Галицкого, которое очень удивляло австрийцев, отмечены конские доспехи – *личины* (маски) и *кояры* (панцири). “Кояр” – слово не монгольское: здесь мы видим русскую передачу тюркского слова “*egap*” – “седло”, “покрытие коня”. Плано Карпини подробно описывает ламеллярный

железный и ламинарный кожаный конские панцири монголов, состоявшие из пяти частей: нагрудника, двух боковин, накрупника и нашейника из двух частей, висевших по бокам шеи. Конские доспехи монголов из твердых материалов восходят к киданьским и сунским образцам. На мусульманском Востоке монголы заимствовали кольчужный конский доспех и стеганный панцирь-попону из мягких материалов, иногда обшитый бляхами.

Необходимой принадлежностью монгольского конского доспеха было оголовье – железное либо из твердой многослойной кожи. Судя по миниатюрам, оно формовалось из одного куска, но Плано Карпини говорит о налобной пластине, к которой крепились сегментовидные нащечники, как у киданьских, китайских и всех позднейших дошедших до нас конских оголовий Востока.

Седла были очень тяжелыми, до 4 килограммов и смазывались овечьим жиром для избегания промокания во время дождя. Они имели высокие луки. Стременные ремни, приспособленные к особенной посадке монгольских всадников, были очень короткими [Горелик 2002, 24].

Таким образом, из вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Археологические находки свидетельствуют о том, что монгольский защитный доспех XIII – второй половины XIV в. состоял из панцирей, шлемов, ожерелий, щитов, наручей и поножей. Воины тяжелой конницы имели кольчуги или кожаные латы. Их головной убор состоял из легкого кожаного шлема с прочным назатыльником для предохранения шеи от сабельных ударов.

2. Совершенствование технологии изготовления панцирей (доспехов) и применяемых материалов (железа и твердой, многослойной кожи крупных животных) было направлено на улучшение их защитных свойств (качества, прочности и снижение веса) и происходило постоянно. Вооружение воинов легкой и тяжелой конницы в сочетании с их защитным доспехом и профессиональным мастерством давало возможность добиваться победы над более сильным противником.

3. Монгольская знать и лучшие воины большое значение придавали защите своего коня. В качестве доспехов для их защиты монголы применяли панцири (кожаные или железные), оголовье (маски или личины). Панцирь представлял собой плотное покрытие

вало, состоявшее из нескольких частей, которым сверху накрывали лошадь. Изготавливали его из толстой, твердой кожи и обшивали металлическими пластинами. Защита коня монгольского воина была достаточно надежной и позволяла уверенно использовать ее на любом участке поля боя.

ЛИТЕРАТУРА

Анналы Бертонского монастыря / Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. Москва, 1979.

Армия Монгольской империи / Матузова В. И. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://znaimo.com.ua/>

Горелик М. В. Армии монголо-татар X–XIV веков. Военское искусство, снаряжение, оружие. Москва, 2002.

Горелик М. В. Монгольский костюм и оружие в XIII–XIV веках: традиции имперской культуры. Золотоордынское наследие // **Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.):** матер. Междунар. науч. конференции (Казань, 17 марта 2009 г.). Казань, 2009, вып. 1.

Джованни дель-Плано Карпини. История монгалов // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Пер. А. И. Маленина. Москва, 1957.

Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. Санкт-Петербург, 1875.

Маликишоев А. Злая гора – Магу-Ундур // **Воин.** Самара, 2003, № 12.

Матфей Парижский. Великая хроника / Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. Москва, 1979.

Рубрук де Гильом. Путешествие в восточные страны / Пер. В. П. Минаева. Москва, 1956.

Сокровенное сказание / Пер. С. А. Козина. Москва; Ленинград, 1941.

Хэй-да ши-люе (Краткие сведения о первых татарах) // **Ван Го-вэй Хайнин Ван Цзин-ань сяньшэн ишу** (Посмертное собрание сочинений господина Ван Цзин-аня из Хайнина). Чанша: Шанью иньунгуань, 1940. Т. 37.